

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Ниже печатаемые письма представляют интересный материал для характеристики душевнаго состоянія многострадальнаго Н. Г. Чернышевскаго въ послѣдніе годы его жизни. Эти письма любопытно сопоставить съ письмами Чернышевскаго къ В. А. Гольцеву, напечатанными въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева“.

Ред.

I. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ В. М. Лаврову.

19 Августа 1888.

Добрый другъ

Вуколь Михайловичъ,

Я очень благодаренъ—Вы ждете: Вамъ?—извините, Вы ошиблись: не Вамъ а—Виктору Александровичу за знакомство мое съ Вами.

Людей, такихъ хорошихъ, какъ Вы, я знаю нѣсколько. Но между литераторами, которыхъ я знаю, такихъ мало.

Благодарю Васъ и Виктора Александровича¹⁾ за то, что Вы рѣшились напечатать мою статью. Я понимаю резонность Вашего раздумья, можно ли помѣстить ее въ Вашемъ журналѣ. И согласился бы назвать Васъ правыми, если бы Ваше раздумье кончилось рѣшеніемъ, что противорѣчіе ея статьямъ, печатавшимся въ Вашемъ журналѣ, дѣлаетъ ее неудобной для помѣщенія въ немъ. Но Вы рѣшили иначе, тѣмъ болѣе долженъ я имѣть признательности къ Вамъ.

Это относится къ Вамъ и Виктору Александровичу вмѣстѣ.

А лично Вамъ я благодаренъ за Ваше доброе расположеніе ко мнѣ.

Сколько пайдется у меня досуга, онъ въ Вашемъ распоряженіи. Статья, которую печатаете Вы, только имѣетъ видъ особой статьи. На самомъ дѣлѣ она—вступленіе къ ряду статей объ условіяхъ прогресса. Я посмотрю, не принесетъ ли она журналу вреда во мнѣніи публики. Если не принесетъ, буду присылать Вамъ продолженіе, отдѣлы котораго тоже будутъ, вѣроятно, имѣть видъ особыхъ статей. А увижу, что публика порицаетъ журналъ за нее, то постараюсь выбрать какую нибудь другую тему, которая не шокировала бы публику.

Прошу Васъ вѣрить искренности моего уваженія и лично къ Вамъ и къ Вашей журнальной дѣятельности.

Вашъ Н. Чернышевскій.

---

¹⁾ Викторъ Александровичъ здѣсь и дальше—В. А. Гольцевъ.

Ред.

29 Дек. 1888.

Глубокоуважаемый добрый друг

Вуколь Михайловичъ,

Надоѣлъ я Вамъ моими длинными письмами; нужды нѣтъ, вотъ еще длинное, о содержанію сходное съ прежними, по характеру содержанія существенно азличное отъ нихъ.

Тѣ письма носить на себѣ сильный отпечатокъ другихъ длинныхъ писемъ, оторыя писалъ въ одно время съ ними. То были письма рѣзкихъ нападеній, отъ астроенія мыслей, высказавшагося въ нихъ, переходилъ тонъ досады и въ письма къ Вамъ.

Надобно дать Вамъ нѣкоторое понятіе тѣхъ писемъ къ другимъ лицамъ, изъ оторыхъ переходила досада и въ письма къ Вамъ.

Впродолженіи лѣтъ тридцати однимъ изъ людей, близкихъ мнѣ, былъ Александръ Васильевичъ Захарьинъ. Въ Октябрѣ, кажется, или въ послѣдніе дни октября и первые дни Ноября онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, прожить у меня дня четыре. Онъ хандрилъ, говоря, что ему прійдется прожить нѣсколько дней въ осквѣ, прибавлялъ, что ему нужно тамъ развлеченіе отъ хандры и что поэтому онъ просилъ меня познакомить его съ Вамъ. Я охотно согласился.—„Но чтобы познакомить меня съ Лавровымъ, нуженъ Вамъ какой нибудь предлогъ; дайте мнѣ какое нибудь порученіе къ нему“.—„Никакого порученія у меня къ нему нѣтъ, о чемъ бываетъ надобно, я пишу ему; на словахъ не имѣю ничего переть ему“.—„Когда такъ то найдите жь хоть выдуманый предлогъ мнѣ познакомиться съ нимъ“.—„никакого предлога не могу выдумать“.—„Такъ что жь я ажу ему?“.—„Вы скажете, что я живъ, здоровъ, уважаю и люблю его; больше чего не имѣю передать ему на словахъ“.—„Такъ напишите хоть это“.—„извольте, пишу, что я просилъ Васъ передать ему мое уваженіе“.—„и прибавьте, что просите его вѣрить моимъ словамъ, какъ Вашимъ собственнымъ“.—„извольте, пишу“—И я далъ ему рекомендательное письмо къ Вамъ въ этомъ смыслѣ. Я осылъ Васъ вѣрить тому, что онъ будетъ говорить Вамъ отъ моего имени;—а чемъ онъ долженъ былъ говорить Вамъ?—О моемъ уваженіи къ Вамъ, о моей любви къ Вамъ.—А кромѣ этого о чемъ?—Ни о чемъ.

Былъ ли онъ у Васъ? Если былъ, то о чемъ говорилъ Вамъ отъ моего имени?—вспомнивая вспомнилъ: Вы писали, что онъ былъ у Васъ. О чемъ онъ говорилъ Вамъ, Вы не упомянули; для меня и не интересно знать теперь. Теперь, это равно для меня и будетъ все равно для Васъ, когда Вы прочтете до конца мой рассказъ о путаницѣ, которую произвелъ онъ въ моихъ дѣлахъ своимъ раззоромъ съ нѣкоторыми другими лицами, живущими въ Москвѣ.

Изъ этихъ лицъ я назову Кузьму Терентьевича Солдатенкова. Знакомы Вы мнѣ? Если да, не заговаривайте съ нимъ о дѣлѣ, главныя черты котораго представляю Вамъ въ видѣ, преднамѣренно туманномъ. Оно было одинаково пріятно и Кузьмѣ Терентьевичу и мнѣ. Сущность его состояла въ томъ, что нѣкоторое время считалъ Кузьму Терентьевича прекратившимъ всякія сношенія мною, какъ съ человѣкомъ, заплатившимъ ему (за) доброе расположеніе и денежною помощью самую черной неблагодарностью. Кузьма Терентьевичъ былъ такъ великодушень, что выразилъ мнѣ согласіе остаться въ прежнихъ отношеніяхъ мною.

Онъ, дѣйствительно, человѣкъ великодушный. Въ тѣ дни, когда я полагалъ, что онъ нашель справедливымъ разорвать всякія сношенія со мною, какъ съ негодяемъ, я писалъ тѣ длинныя письма къ Вамъ. Не скажу, что я былъ злымъ въ

эти дни; злиться мнѣ было не на что. Кузьма Терентьевичъ былъ бы совершенно правъ, если бы разорвалъ всякія сношенія со мной. Я не могъ бы имѣть ни малѣйшей претензіи на него за это. Думаю, что и было съ его стороны то, чему слѣдовало быть по моему предположенію,—что онъ разорвалъ всякія сношенія со мной, я находилъ его совершенно правымъ. Я не досадовалъ ни на него, ни на бѣднаго Захарыина. Но я былъ печаленъ. Не о потерѣ дохода, который получалъ отъ Кузьмы Терентьевича за переводъ Вебера; я рассчитывалъ, что де нежнаго убытка не будетъ мнѣ отъ этого, что я могу получать столько же отъ Васъ за мое сотрудничество. Причина моей печали была не денежная.

Этого довольно. Если хотите знать больше, то спросите у завѣдующаго матеріальной частью издательской дѣятельности Кузьмы Терентьевича, Ивана Ильича Барышева. А если свѣдѣнія, которыя сообщить онъ Вамъ, найдете Вы не вполне объясняющими дѣло, и захотите дополнительныхъ свѣдѣній, то я могу сообщить ихъ Вамъ.

Вамъ, вѣроятно, кажется достаточнымъ объясненіемъ отсутствія досады меня на Кузьму Терентьевича, то мое выраженіе, что онъ былъ бы, по моему праву, прекративъ сношенія со мною, какъ съ негодяемъ; но какимъ же образомъ возможно было, что я не имѣлъ досады на Захарыина, устроившаго такую путаницу, изъ которой выходило, что Кузьма Терентьевичъ долженъ быть считать меня негодяемъ?—вѣроятно спрашиваете Вы: объясненіе—обстоятельство очень грустное: Захарыинъ не просто хандрить, бывши у меня, а находился въ угнетенномъ состояніи души между двумя припадками помѣшательства. Онъ сказалъ мнѣ о своихъ припадкахъ помѣшательства лишь въ минуту прощанья со мною. Потомъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ подробно описывалъ мнѣ характеръ припадковъ сумашествія, овладѣвающихъ имъ по временамъ.

Жаль бѣдняка. Но путаница, которую надѣлалъ онъ въ припадкѣ помѣшательства и которую онъ изложилъ мнѣ съ похвалой своему подвигу въ другомъ письмѣ, написанномъ въ новомъ припадкѣ помѣшательства, имѣла такой характеръ, что я прекратилъ всякія сношенія съ нимъ. И такъ, я не былъ золъ на кого въ тѣ дни, когда писалъ Вамъ длинныя письма, но я былъ печаленъ потому въ нихъ много горькаго.

Не скажу, что я былъ неправъ, говоря Вамъ горькія вещи; я былъ правъ но я не сталъ бы говорить ихъ, если бы не было горько у меня на душѣ.

Въ чемъ же состояла моя печаль? Въ тѣ дни, я не имѣлъ права высказывать ее. Теперь, она перестала быть секретомъ. Если захотите, я напишу. И мнѣ недосугъ писать то, въ чемъ нѣтъ необходимости. Полагая, что Вы узнаете о причинѣ моей печали отъ Ивана Ильича, я не буду распространяться ней здѣсь. А чтобы Вы могли судить, извѣстна ли теперь истинная причина моей печали Ивану Ильичу (я не знаю, а только полагаю, что она теперь извѣстна ему) я скажу Вамъ, что если онъ будетъ объяснять дѣло моимъ раздраженіемъ отъ мысли, будто я выставленъ былъ Кузьмѣ Терентьевичу человѣкомъ корыстолюбивымъ или нечестнымъ въ денежномъ отношеніи,—то это лишь была моя мысль, прикрывавшая собою правду, которой я не имѣлъ права высказать тогда и которая ни мало не похожа на гнѣвъ отъ опасенія прослыть мошенникомъ подобнымъ обвиненій я не слишкомъ-то опасуюсь; да и вообще, я не имѣю охоты обижаться какими бы то ни было дурными слухами обо мнѣ. Надъ всякими обвиненіями меня я издавна привыкъ смѣяться отъ искренней души. Я далеко агнецъ и не ангель; но—на то, хорошъ ли я въ чемъ, дуренъ ли въ чемъ, давно махнулъ рукою,—махнулъ рукою съ самаго начала моей литературной дѣятельности. Безъ того, я не могъ бы писать такъ, какъ писалъ въ моей мо-

дости. А старик и подавно не приходится интересоваться тѣмъ, красивъ ли онъ; тѣмъ болѣе не приходится, что физиологія учитъ: старость не красить.

Вступленіе къ поэмѣ кончено. Поэма, я надѣюсь, будетъ короче вступленія; надежда эта, можетъ быть, окажется ошибочной, но несомнѣнно то, что поэма будетъ написана не поэтическимъ слогомъ, какъ вступленіе, а прозаическимъ.

Благодарю Васъ, Вуколъ Михайловичъ, за письмо отъ 20 Декабря. Изъ неупоминанія о томъ, что Вы рассчитываете помѣстить начало безконечнаго ряда моихъ повѣстей въ Январской книжкѣ, я заключаю, что у Васъ не заведенъ тотъ порядокъ, котораго держался Некрасовъ въ *Современникѣ* и который я описывалъ Вамъ съ украшеніемъ рѣчи любезностями самому себѣ: „чортъ бы меня побралъ“ и „чортъ бы меня побралъ!“ (мимоходомъ: это два разныхъ украшенія, котъ и одного (чисто русскаго) стили; не думайте, что „побралъ“ встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, описка вмѣсто „побралъ“ наоборотъ.) Какой заведенъ у Васъ порядокъ, это не мое дѣло, а Ваше. Слѣдовательно, мнѣ тутъ не за что быть въ претензіи.

Я говорилъ, что если бъ я предвидѣлъ, что моя повѣсть (то есть, начало романа со вставкой самостоятельной повѣсти) не попадетъ въ Январскую книжку, то продержалъ бы у себя рукопись недѣлей больше, и значительно улучшилъ бы ее. Правда. Но существенно важныя поправки можно сдѣлать въ немногихъ мѣстахъ, и я прилагаю эти улучшенія на отдѣльныхъ листкахъ, которыхъ счеюмъ четыре. Прошу, вставьте ихъ гдѣ приходятся онѣ.

Всѣ другія улучшенія были бы важны, если бы были сдѣланы; а не сдѣланы, то и не нужны. Посланная мною Вамъ часть сборника рассказовъ охваченныхъ рамкою романа, хороша и безъ нихъ. Она хороша. Плохаго ничего я не намѣняю печатать, потому что не имѣю надобности въ томъ. Деньги, какія буду я получать отъ Васъ, важны для меня; очень важны; но—вѣдь все равно, писалъ бы я переводъ Вебера и зарабатывалъ бы во столько же дней приблизительно только же денегъ; то съ какой стати писалъ бы что нибудь для Васъ, если бы не имѣлъ написать что нибудь хорошее?

А вкусъ у меня—построже, чѣмъ у многихъ; напримѣръ: изъ всѣхъ писавшихъ прозой по-русски послѣ Лермонтова и Гоголя, я вижу очень сильный талантъ только у одного драматурга—Островскаго—и у одного романиста—кого?—то пока мой секретъ (понятно я говорю не о себѣ).

А къ себѣ я строже, чѣмъ къ другимъ.

Увѣдомьте, помѣщаете ли первый отдѣлъ „Вечеровъ у княгини Старобѣльской“ въ Февральской книжкѣ. Нѣтъ, такъ нѣтъ; мнѣ все равно; если и не поправилось Вамъ это мое произведеніе, и Вы вовсе не хотите печатать его, тоже все равно для меня; напишите безъ церемоніи. А если думаете напечатать, то напишу для Васъ продолженіе, такъ чтобъ оно успѣло попасть въ слѣдующую книжку.

Видите ли, что: люди если не согласны были вначалѣ между собою, должны спорить, поспорить, да и бросить споръ. Я нахожу, что поспорилъ съ Вами достаточно и если не убѣдилъ Васъ до сихъ поръ, то ужъ и не долженъ имѣть надежды убѣдить.

Вы съ Викторомъ Александровичемъ поступили относительно меня такъ, какъ я не ожидалъ: Вамъ показалось, что я такой сотрудникъ, какъ другіе, которые представляютъ свои произведенія на оцѣнку редакціи. Вы взялись судить, слѣдуетъ или не слѣдуетъ напечатать статью присланную мною.

Этого я допустить не могу.

Никакого и ничьего, кромѣ цензурскаго, посредничества между мной и типографіей я не допускаю.

Первую Вашу съ Викторомъ Александровичемъ ошибку я рѣшилъ не ставить въ счетъ. Это была ошибка незнанія, въ которую самъ же я ввелъ Вася деликатностями въ письмахъ къ Вамъ и дурацкими своими оговорками противъ себя въ тѣхъ же письмахъ. Но если Вы не считаете возможнымъ отправлять не читая самп (Вы или Викторъ Ал—вичъ) въ типографію присылаемое мною, то мое сотрудничество невозможно.

Да, или нѣтъ—я прошу Васъ сказать просто, „да“ или „нѣтъ“;

Никакихъ оговорокъ я не допускаю.

„Да“, то я буду писать для Васъ много; такъ много, что при всемъ моемъ нежеланіи имѣть какое нибудь вліяніе на характеръ *Русской Мысли*, она въ нѣкоторой степени или повысится или понизится во мнѣніи публики отъ моихъ статей и повѣстей; это будетъ листовъ 50 въ годъ, вѣроятно больше; подумайте сами: рамка романа создана и цѣлая довольно большая повѣсть написана—въ три недѣли. Я работаю быстро. И, какъ романистъ или беллетристъ, я долженъ сказать о себѣ, что фантазія у меня очень богата. Затрудненіе, съ моею точки зрѣнія, вотъ въ чемъ: торговаться съ Вами я не намѣренъ, потому что это не нужно; и безъ всякаго торга, Вы будете давать мнѣ высокую плату; это очень красиво для меня; но для кассы журнала?—Есть пропорція между дорогими и дешевыми листами; очень много дорогихъ листовъ не можетъ быть въ книжкѣ, не выдержала бы касса. Въ *Современникѣ* было такъ:

Статьи мои и Добролюбова не идутъ въ счетъ, (какъ и то, что помѣститъ Некрасовъ, участіе котораго по числу страницъ ничтожно, потому не заслуживаетъ вниманія по счету кассы); много ли, мало ли мы помѣстимъ въ данно книжкѣ, все равно: мы возьмемъ всякую сумму денегъ, какая намъ нужна; въ кассѣ нѣтъ ихъ?—Тѣмъ хуже для Некрасова; деньги придутся намъ брать изъ его кармана; у него нѣтъ?—„Эхъ, нѣтъ денегъ, Н. Г.“—Это обыкновенно бывалъ я, Добролюбовъ очень рѣдко.—

— „Приходится Вамъ подождать до завтра; поѣду вечеромъ займу у N N.“—Слѣдовательно, чѣмъ больше листовъ написали мы, тѣмъ легче для кассы: меньше остается листовъ, по которымъ она должна произвести уплату.

Изъ этихъ другихъ листовъ (до 200 въ годъ) только 50 могутъ быть дорогими; большаго числа дорогихъ листовъ не выдержитъ касса. *Русская Мысль* и такъ бѣдна деньгами, какъ былъ *Совр.*; но и у нея должна быть и безъ сомнѣніи есть граница количеству дорогихъ листовъ; невозможно шпаче, не выдержал бы касса.

Само собою разумѣется, что съ сотрудникомъ, понимающимъ условія возможности журнальнаго дѣла, каковъ я, разсужденія объ этомъ очень просты и не могутъ вести ни къ чему, кромѣ простаго отвѣта: „Вы совершенно правъ Вукозь Михайловичъ“; Я предполагалъ бы что дѣло всего удобнѣе определится такъ:

дадимъ пройти тремъ, четыремъ мѣсяцамъ, чтобы намъ обоимъ было видно, можетъ ли мое сотрудничество въ полномъ своемъ размѣрѣ стать по числу листовъ обременительнымъ для кассы; въ четыре мѣсяца, касса не лохнетъ отъ моего напора, это первое; а второе—мнѣ вовсе и не нужно немедленнаго расчета, если сумма платы очень велика; мнѣ нужно только такое количество денегъ, какого требуютъ мои расходы; они велики, это правда; но—не 10.000 въ годъ, гораздо меньше; то есть, не 800 р. въ мѣсяць—далеко нѣтъ.

Это къ чему?—Опытъ трехъ, четырехъ мѣсяцевъ не представляетъ по моему

ничего опаснаго для кассы. Я полагалъ бы сдѣлать этотъ опытъ, и потомъ—предполагая, что полный размѣръ моего сотрудничества оказался бы тяжелъ, Вы написали бы мнѣ: „вотъ какое количество Вашихъ листовъ“ или „вотъ какую величину ежемѣсячной платы Вамъ впредь до расчета“—можетъ вносить касса.

И я написалъ бы Вамъ: „Пусть такъ и будетъ, какъ это возможно по Вашему соображенію“. Не хотите этого опыта, то и не нужно его. Вы прямо, не дожидаясь ни трехъ ни двухъ мѣсяцевъ, напишете мнѣ: „могу посылать Вамъ въ мѣсяць вотъ столько“—предположимъ, 200 р.;—

мнѣ и того довольно.

при этомъ Вы и я, мы подразумѣваемъ: „плата будетъ высылаться не авансомъ, а только въ счетъ того, что приходится заплатить за присланное“—и, при взаимномъ довѣрїи, разумѣется: за готовое къ отправленію на почту.

А я могу писать больше, чѣмъ, напримѣръ, на 200 р.?

— О, разумѣется.—Что жъ излишекъ написаннаго? пойдеть въ другой журналъ?—Я не полагаю. Лучше, чѣмъ писать въ двухъ журналахъ, я буду меньше времени употреблять на журнальную работу, оставлять больше времени для работы по счету съ Солдатенковымъ. Конечно, у Васъ, можетъ выйти такой случай, что Вы въ интересахъ *Р. Мысли*, найдете надобность сдѣлать удовольствіе другому журналу,—положимъ, *Сѣверному Вѣстнику*, изъ любезности къ Короленко; тогда вы пишете мнѣ: „сдѣлайте для меня удовольствіе, дайте что нибудь для Короленко“.—Почему жъ нѣтъ, если это нужно журналу, интересы котораго я долженъ считать до нѣкоторой степени своими?—

По Вашей надобности, могу сдѣлать любезность *Сѣв. В-у*. Но только, для Васъ, по Вашей просьбѣ. Самъ я склонности гоняться за двумя журналами не имѣю.

Словомъ, денежная сторона нашихъ отношеній не можетъ стать предметомъ длинныхъ разсужденій между нами: Вы увидите, какими расчетами можно опредѣлить ее, и дѣло въ шляпѣ.

Но повторяю и повторяю:

Мое сотрудничество возможно лишь подъ условіемъ, что все, посылаемое мною, идетъ въ типографію не читанное никѣмъ кромѣ меня.

Повредить это журналу?—Я буду смотрѣть; могу не разобрать самъ; если не разберу самъ, спрошу у Васъ мѣсяца черезъ три, четыре; Вы напишете: „да, публикѣ не нравится“;—Не нравится, то что жъ съ ней дѣлать?—Не пичкать же ее тѣмъ, что не нравится ей; брошу писать для нея; и только; переводы ученыхъ книгъ беретъ Солдатенковъ всякіе, какіе буду дѣлать для него.

„Да вѣрно ли, что Вы не захотите пичкать публику тѣмъ, что не нравится ей?“

Въ моей прежней дѣятельности были примѣры тому; увижу что начатое мною скучно для публики, то и брошу продолжать. А вотъ Вамъ новый примѣръ: я не умѣю разобрать, повредила или нѣтъ *Р. Мысли* моя статья о борьбѣ за жизнь¹⁾; потому я не продолжаю ее; увижу: не повредила, пришло продолженіе; пройдетъ полгода и все еще не будетъ видно мнѣ, что слѣдуетъ продолжать, то и окончательно отброшу мысль о продолженіи.

Поэма вышла длиннѣе вступленія. Одна надежда не исполнилась, то не слѣдуетъ исполняться и другой; я былъ увѣренъ, что поэма будетъ написана прозой;—а вижу, подъ конецъ разыгрывается творческая фантазія; а творческой фантазіи приличнѣе стихотворная одежда, и такъ:

¹⁾ Имѣется въ виду статья „Пропедагогическія теоріи благотворности борьбы за жизнь“ (*Русская Мысль*, 1888 г., IX), направленная противъ дарвинизма и вызвавшая нѣблужную полемику.

Видѣнье Вистара.

Видѣнье Вистара
 Въ девятое лѣто
 Правленья Джемшара,
 На праздникъ весны,
 Въ столицѣ Ирана
 Ширазѣ прекрасномъ,
 Въ саду Дайрианы
 Джемшара жены.

Весна наступаетъ; Иранъ, веселся:
 Последней твоей этотъ праздникъ весны;
 Сплошной отъ Байкала до Инда ордою
 На западъ несутся пустыни сыны.

Отъ скудости странъ ихъ, тѣла ихъ скелеты,
 И сквозь ихъ лохмотья ихъ ребра видать;
 Широки ихъ лица, и плоски черты ихъ;
 На плоскихъ чертахъ ихъ бездушья печать.

Какъ гривы ихъ коней, жестки волоса ихъ,
 И взглядъ ихъ прижмуренъ, добычи искать;
 Какъ крючья ихъ руки, какъ когти ихъ пальцы,
 И цѣпки и крѣпки хищенье хватать;

Шумить ихъ дыханье порывами бури,
 И вѣтръ отъ той бури тлетворной чумы:
 Траву изсушаютъ, и звѣря онъ бѣсптъ,
 И ужасомъ въ людяхъ мертвить онъ умы.

Отъ вопля томленья ихъ жажды до крови
 И топота коней, и грома литавръ,
 Волнуются рѣки, и море бушуетъ
 Дрожать Гималаи, колеблется Тавръ.

Весна наступаетъ; Иранъ веселится:
 Последней твоей это праздникъ весны;
 Сплошной отъ Байкала до Инда ордою
 На западъ несутся пустыни сыны.

Хорошіе стихи, Вуколь Михайловичъ. Жаль только, что мнѣ очень тяжело писать стихи. Потому, у меня лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, всего только въ вступленіи и, кромѣ приведеннаго, только еще въ двухъ, трехъ маленькихъ эпизодахъ, введена „прямая передача“ поэмы, по выраженію Вязовскаго; ¹⁾ все остальное, то есть, всю поэму, кромѣ этихъ нѣсколькихъ десятковъ стиховъ, Вязовскій пересказываетъ „по памяти“, „своими словами“, прозой. А поэма эта:

Эль-Шемсъ-эль-Леила-Намѣ
 книга Солнца Ночи.

Вязовскій не скоро доберется до того, чтобы рассказать ее; по сказочной

¹⁾ Дѣйствующее лицо въ произведеніи Чернышевскаго.

формѣ рамки, причиною задержки исполненію его обѣщанія рассказать эту поэму служить длинное сѣбленіе обстоятельствъ, приводящее княгиню Старобѣльскую къ согласію объявить, что она вступаетъ въ бракъ съ княземъ Серпуховскимъ. Художественная причина отложить поэму до конца первой части безконечнаго романа та, что европейскіе рассказы блѣднѣютъ передъ этой поэмой, авторомъ которой Вязовскій называетъ Гюльзадѣ, царевну прежней персидской династии, тайно живущую въ Англіи и замышляющую освободить Иранъ отъ рабства каджарамъ—каджары это туркмены, это туранцы, это вѣковѣчные враги Ирана, истребители просвѣщенія—Иранцевъ.

Начинаетъ писать мой молодой другъ (настоящій плохой и будущій хорошій артистъ труппы Гавріила Мироновича Коврова (Константины Михайловичъ Федоровъ)).

Я получилъ вчера книжку Виктора Александровича „Воспитаніе“ и пр. Благодарю его за доброе расположеніе.

Хочу написать рецензію этой книжки для *Русскихъ Вѣдомостей*. Если раньше, чѣмъ пришло ее, будетъ помѣщена въ нихъ другая рецензія, это ничему не помѣшаетъ, потому что моя рецензія будетъ, разумѣется, своеобразная не повторяющая ничего, что можетъ быть сказано о книжкѣ другимъ рецензентомъ и не могущая противорѣчить ничему, сказанному имъ о ней. Вотъ видите, Вуколь Михайловичъ, какъ умудряетъ Богъ младенцевъ (къ которымъ безъ сомнѣнія и Вы, подобно Константину Михайловичу, причисляете меня, принимая въ соображеніе фазисъ умственной эволюціи, нѣтъ Вы не слишкомъ-то считайте меня старикомъ, отставшимъ отъ вѣка: употребляю, какъ видите дурацкія новыя слова, въ доказательство моей вѣрности за успѣхами просвѣщенія; терпѣть не могу слова „эволюція“ съ которымъ новомодная наука носится какъ дурень съ пиланной торбой, по выраженію Гоголя, до котораго я дожилъ): открылось по божественному вдохновенію мнѣ, куда я могу сбывать черезъ Васъ и Виктора Александровича тотъ избытокъ моихъ журнальныхъ работъ, который оказался бы лишнимъ для *Русской Мысли* по соображенію, о которомъ писалъ я выше, эти статьи будутъ находить себѣ мѣсто въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Кстати поблагодарите редакцію ихъ за ту любезность, что она присылаетъ мнѣ (свою дѣйствительно честную, безукоризненно честную) газету.

Жму руку Виктору Александровичу. Буду писать ему на дняхъ; то есть вѣроятно—не слишкомъ-то скоро. Не знаю, когда выбирать свободный—хоть полчаса, если не часъ.

Жму Вашу руку, добрый другъ Вуколь Михайловичъ

Вашъ Н. Чернышевскій.

10 Янв. 1889.

Добрый и глубокоуважаемый другъ

Вуколь Михайловичъ,

Вамъ не поправилась моя повѣсть, не поправилась, не поправилась. Какъ могъ бы я сердиться на Васъ за это? Развѣ Вы виноваты въ томъ, что она не поправилась Вамъ? Развѣ Вамъ хотѣлось чтобъ она не поправилась Вамъ? Виновата она. Стану я досадовать изъ-за этого!—Пустое вышло дѣло, и забудемъ его. Когда у меня найдется досугъ продолжать романъ, начало котораго имѣетъ названіе „Вечеровъ у княгини Старобѣльской“, я попрошу Васъ переслать обратно мнѣ находящуюся у Васъ рукопись; но когда это будетъ, не знаю; вѣроятно, не

скоро. А до той поры, пусть валяется рукопись у Васъ; все равно, валялась бы она и у меня, ненужная пока мнѣ.—Если найду досугъ кончить романъ, то издамъ его отдѣльной книгой. Но—работы у меня столько, что не умѣю опредѣлить, когда найдется мѣсяць досуга для труда, болѣе нравящагося мнѣ, чѣмъ работа, которой живу.

Добрый другъ, благодарю Васъ за Ваше расположеніе ко мнѣ. И прошу, вѣрьте прочности моего расположенія и—искренно говорю—моего уваженія къ Вамъ.

Жму Вашу руку.

Вашъ Н. Чернышевскій.

20 Дек. вторникъ.

Глубокоуважаемый

Вуколь Михайловичъ,

Неисправенъ я передъ Вами. Но къ лучшему для *Русской Мысли*, въ томъ случаѣ, если Вы захотите помѣстить въ ней мои „Вечера у Княгини Старобѣльской“.

Посылая Вамъ начало перваго вечера, главную часть котораго составляетъ рассказъ „Мое оправданіе“, образующій совершенно самостоятельное цѣлое, и предназначая этотъ вечеръ для Январской книжки „*Русской Мысли*“, я телеграфировалъ Вамъ, что пошлю окончаніе черезъ два дня, то есть, въ субботу, 17 числа, и что оно лишь третья доля вечера по объему, то есть непосланная доля вдвое меньше посланной.

Вмѣсто 17-таго я послалъ ужъ только 18-таго въ воскресенье,—и то лишь большую часть оставшагося не посланнымъ въ посылкѣ 15-го дек., а не все. И однако же послалъ телеграмму Вамъ и объяснилъ въ одновременно отправленномъ письмѣ, что послѣдніе листы, вложенные въ заказное письмо, дойдутъ до Васъ одновременно съ листами второй посылки. Мнѣ сказали, что заказныя письма, отданныя въ понедѣльникъ, отправляются въ тотъ же день; а посылки, отданныя въ воскресенье, отправляются, это я зналъ, тоже въ понедѣльникъ. На дѣлѣ вышло, что мнѣ соврали: заказныя письма, принятые въ понедѣльникъ, отправляются вмѣстѣ съ посылками въ среду. Потому, отдать письма въ понедѣльникъ было бы бесполезно. Такимъ образомъ, вышло еще два дня просрочки въ полученіи Вами (отправленія мною Вамъ) окончанія перваго отдѣла моего ряда рассказовъ.

Я просрочилъ, въ суммѣ, пятью днями противъ обѣщаннаго Вамъ (отдаю на почту 20 числа, во вторникъ, вмѣсто обѣщаннаго 15 числа, четверга, то есть дѣлаю такъ, что Вамъ будетъ посланъ этотъ конецъ 21 числа, въ среду, вмѣсто 17 числа, пятницы). Отъ этой просрочки въ отправленіи Вы получите конецъ не 20 или 22,—какъ я желалъ и общалъ, и ждали по первой моей телеграммѣ Вы, а 27 или 28 дек. Отправится конецъ посылкой, а не заказнымъ письмомъ, потому что оно не даетъ вынгрыша времени.

Моя склонность влечетъ меня смѣяться надъ собой за это и ругать себя. Но считаю болѣе полезнымъ говорить серьезно.

Когда кончатся наборъ книжки *Русской Мысли*? Какъ идетъ формированіе состава книжки?—Я этого не знаю. У насъ въ *Современникѣ* дѣлалось, по порядку, введенному раньше моего сотрудничества Некрасовымъ такъ:

Заранѣе опредѣлялся составъ книжки; иногда на три, на четыре мѣсяца впередъ; но когда начиналось печатаніе, онъ непрерывно могъ быть измѣняемъ со-

образно поступленія новыхъ матеріаловъ; эта свобода измѣненія длилась до послѣдняго дня возможности измѣнить составъ книжки. Объясню примѣромъ, въ которомъ подвергающійся перемѣнѣ отдѣлъ журнала—беллетристика (съ которой и было это особенно часто).

Она печаталась крупнымъ шрифтомъ, Цицero. У насъ типографія была бѣдна шрифтами, такъ что каждый мѣсяцъ часть каждаго изъ двухъ главныхъ шрифтовъ (Цицero и Боргеса) шла въ дѣло два раза, даже три.

Положимъ, въ книжкѣ должно было быть 15 листовъ Цицero. А у насъ всего этаго шрифта было только на 12 листовъ.—И даже при такой скудости шрифта, набранныя повѣсти были отлагаемы,—въ наборѣ, готовомъ, прошедшемъ черезъ двѣ корректуры—на мѣсяцъ, на два, на три, если являлся матеріаль болѣе важный. Напримѣръ, такъ: наборъ книжки начать 29 числа; первый готовый оригиналь—посредственная повѣсть, 4 листа. Прошло 4 дня, она набрана. Дальше, въ 4 листа и въ 7 листовъ есть повѣсти получше; изъ нихъ идетъ въ наборъ та, которая въ 7 листовъ; около 8 числа присылается хорошая повѣсть въ 5 листовъ; Некрасовъ говорить: вторая, ужъ набираемая и третья, еще не набираемая, повѣсти останутся въ книжкѣ, а первая наименѣ полезная журналу, ужъ набранная, отлагается до той поры, когда не будетъ лучшаго матеріала; наборъ ея пусть стоитъ и ждетъ.—Осталось только 7 листовъ шрифта; а надобно его на 15 листовъ; ну, вертись типографія, какъ знаешь.—Вторая повѣсть въ 4 листа, тавшая первой, набрана, но еще не вышла изъ цензуры; набрано 3 листа второй, недостаетъ шрифта на 3 листа; Некрасовъ говорить: разобрать 3 листа набора отложенной повѣсти.—Первая вышла изъ цензуры, стало свободно 11 листовъ набора; хватить на 2-ю повѣсть (6 листовъ) и, на третью, въ 5 листовъ, ювую, не предвидѣнную при составленіи плана книжки, и вытѣснившую изъ нея прежнюю первую. А если третья повѣсть имѣла 6 листовъ?—недостаетъ одного листа шрифта; Некрасовъ велитъ разобрать и единственный оставшійся листъ набора отложенной повѣсти. Если она не останется выброшенной за бортъ, попадетъ въ одну изъ слѣдующихъ книжекъ, это будетъ ужъ новый наборъ.

Это (по тогдашней цѣнѣ) было 44 или 48 рублей убытку. Карлъ Ивановичъ Вульфъ, честнѣйшій человекъ, всей душой преданный Некрасову и *Современнику*, факторъ *Совр-ника*, впоследствии хозяинъ типографіи, гдѣ печатался этотъ журналъ) горюетъ, жалуется Некрасову на его распоряженіе: „Николай Алексѣевичъ, вы дѣлаете 48 рублей убытка журналу“—„Нужды нѣтъ, Карлъ Ивановичъ; такъ пойдетъ выгодиѣ для журнала“.

Такой ли порядокъ у Васъ? Я думаю, такой; для Васъ онъ тѣмъ легче, я думаю, что предполагаю: Ваша типографія не бѣдна шрифтомъ. Если такъ, то моя повѣсть съ своей долей рамки попадетъ въ Январскую книжку.

Если же нѣтъ, то я буду не для забавы своему рурачеству, а серьезно ругать себя за то, что отослалъ ее Вамъ для Январской книжки, а не продержалъ себя еще недѣлю, чтобъ улучшить. Я много улучшилъ бы ее въ недѣлю. Давъ себѣ просрочку въ пять дней вмѣсто двухъ, я приобрѣлъ время сдѣлать великолѣпное улучшеніе во второй половинѣ ея, надъ которой работали эти пять дней.—Дешени, получаемыя Семтебрини изъ Марсели, были въ первой редакціи, для краткости, пересказываемы самимъ Семтебрини. Это былъ слогъ. Семтебрини, человекъ умнаго, но не блестящаго. Въ переработанной редакціи, я возстановилъ прямую форму дешени, и получились страницы блистательныя. Въ той редакціи не было даже имени Джеррольда, было только упоминаемо въ разсказѣ Семтебрини, что эти извѣстія доставлялъ ему „корреспондентъ“— посланный Бриггеомъ, то же коммерческій человекъ, подобный Бриггеу, очень проница-

тельный, но неизмѣнно докторальный. А теперь это новое лицо, Джеррольдъ—самое лучшее изъ всѣхъ съ точки зрѣнія вкусовъ публики. Будь у меня недѣля, я имѣлъ бы время написать десятокъ страницъ объ лицѣ М-ме Дюбелле, другіе два десятка о миссисъ Бриггсъ, я изобразилъ бы домашній бытъ Гастона Форкальке, обрисовалъ бы фигуры его, жены его, Ремона, Леоніи; я отказывался отъ всего этого, чтобъ ограничиться числомъ страницъ, какое возможно успѣть написать для Январской книжки. Не все, разумѣется, въ улучшеніи было бы расширеніемъ; я упростилъ бы обстоятельства; повѣсть выиграла бы въ сжатости и силѣ также и отъ другихъ пріемовъ; напримѣръ, я успѣлъ примѣнить форму тостовъ къ оцѣнкѣ дѣйствующихъ лицъ; это вышло великолѣпно; и стали не нужны разсужденія о томъ, что хорошо, что дурно въ повѣсти; а безъ оцѣнки тостами было необходимою, чтобы слушатели и слушательницы разсуждали о повѣсти, спорили между собой и нападали на Вязовскаго, который отмалчивался бы и подъ конецъ разъяснилъ бы: „Эхъ, Вы потому то я и не хотѣлъ разговаривать съ Вами въ библиотекѣ, что Вы говорили пустяки“,—и растолковалъ бы, въ чемъ дѣло. Теперь, послѣ тостовъ, нападенія на него невозможны, и гости немедленно разѣзжаются; но—знаетъ или не знаетъ Вязовскій безъ чужихъ указаній, что хорошо, что дурно въ его повѣсти, что ясно, что не ясно?—Знаетъ; потому что—очевидно,—да и прямо сказано въ предисловіи—Вязовскій, это самъ Полянскій, преувеличивающій для лучшаго комизма свои забавныя странности и неуклюжести. (А Полянскій—это я, Н. Чернышевскій?—Разумѣется.—И по поводу этого, вотъ штука, которая очень досадна мнѣ, но устранить которую было нельзя) держась стѣсненнаго объема по желанію послать повѣсть во время для Янв. книжки: Вязовскій получаетъ теперь очень мало дохода, и притомъ новаго дохода, а прежній доходъ его исчезъ; какъ исчезъ?—Коротко, это было можно сдѣлать однимъ способомъ: онъ подарилъ его; будь у меня время, я оставилъ бы кляузу совладѣтеля сада, и Вязовскій вышелъ бы не человѣкомъ, сдѣлавшимъ добро нуждающемуся родному семейству, а просто любителемъ спокойствія, бросающимъ собакъ свой кусокъ, чтобъ она отстала отъ него. Это было бы лучше; но требовало бы нѣсколькихъ страницъ. А у меня не было времени для нихъ. И такъ, Вязовскій знаетъ все, что можно сказать противъ его первой повѣсти, и отвѣчаетъ на эти несмысленныя имъ замѣчанія второю повѣстью (въ второмъ вечерѣ).

И если я безъ пользы для Январской книжки отказалъ себя въ исполненіи того, что было нужно для улучшенія „перваго вечера“, то я буду сердиться на себя за ошибку. Но—я говорю, что „Первый Вечеръ“ могъ бы быть сдѣланъ лучше, чѣмъ онъ теперь. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онъ плохъ?

— Слѣдуетъ ли, или нѣтъ, пусть это будетъ рѣшено Вами и Вашими литературными товарищами по чтенію „Перваго Вечера“ въ книжкѣ *Русской Мысли*. Настойчиво говорю Вамъ: не читайте въ рукописи и не давайте никому читать того, что присылаю я Вамъ для *Русской Мысли*. Никакихъ иныхъ отношеній ко мнѣ я не могу допустить. Хотите имѣть меня своимъ сотрудникомъ то посылайте въ типографію, не читая сами и не давая читать никому, то, что получаете отъ меня.

Пожалуй, кто нибудь изъ близкихъ Вамъ или Виктору Александровичу скажетъ:

„Да какъ же это возможно?“—Кто скажетъ Вамъ или ему это, тому Вы или онъ должны сказать: „молчи, милый; ты прекрасный человѣкъ, но ты глупъ“. По инымъ правиламъ невозможно вести хорошимъ образомъ никакой работы,

превышающей физическія силы одного человѣка.—Будь Вы способенъ писать 24 часа въ день, выходило бы 24 страницы формата *Русской Мысли* въ сутки; Вы и успѣвали бы собирать въ голову матеріалъ для того, что писали бы; тогда Вы могли бы вести журналъ безъ довѣрія къ труду другихъ.—Три четверти листовъ *Русской Мысли* попадаютъ въ нее лишь по формѣ подъ контролемъ Вашимъ или Виктора Алексеевича, а на самомъ дѣлѣ безъ контроля: „чортъ ихъ разберетъ“,—это въ сущности мнѣніе каждаго изъ насъ по всемъ вопросамъ, кромѣ немногихъ, и мы принимаемъ то или другое рѣшеніе не рѣшенныхъ лично нами вопросовъ по довѣрію къ другимъ,—такъ и о повѣстяхъ, и о статьяхъ журнала, всякаго порядочнаго: выбирай сотрудниковъ, и выбравъ, не мѣшай. Такъ было въ *Современникѣ*. Не говорю о себѣ и Добролюбовѣ,—но читалъ ли кто статьи Григ. Зах. Елисѣева? Никто. Отвѣтственность за нихъ лежала на мнѣ. Я никогда не читалъ ихъ (кромѣ первыхъ, по которымъ увидѣлъ, что можно до-вѣрять Елисѣеву). А Некрасовъ тѣмъ меньше читалъ ихъ.—Досадуя я на Вася и Виктора Александровича, что Вы своимъ поступкомъ съ моею статью о Дарвинѣ заставили меня писать Вамъ длинныя письма. Чортъ-бы подралъ длинныя письма мои! И мало того, что принуждаете меня писать длинныя письма—принуждаете меня самого хвалить Вамъ себя!—меня! Хвалить себя! Чортъ бы по-бралъ и меня съ моими похвалами себѣ! Недостало мѣста для рукопожатія Вамъ и Викт. Алексѣевичу въ концѣ 2-го (второго!) листа почтовой бумаги и Вы съ Викт. Ал.—чемъ принудили меня тратить время на такія письма! Золь я на Вася, золь, Ну, такъ и быть, жму руки Вамъ и ему.

Вашъ Н. Ч.

II. Мысли о войнѣ и смерти сто лѣтъ тому назадъ.

Волею судебъ Россія въ началѣ XX столѣтія переживаетъ испытаніе, напоминающее то, что было въ началѣ прошлаго вѣка. Теперь, когда тысячи съ личной точки зрѣнія непонятныхъ и неприемлемыхъ нашимъ сознаниемъ смертей обрушились на насъ, намъ цѣнно и дорого знать, какъ за сто лѣтъ до нашего времени относились люди къ такимъ же нахлынувшимъ на нихъ смертямъ и страданіямъ.

Печать особенно остраго интереса лежитъ поэтому на всѣхъ документахъ, раскрывающихъ передъ нами душевную жизнь этихъ людей.

Сохранилась любопытная рѣчь, произнесенная въ одной изъ тогдашнихъ масонскихъ ложъ „въ послѣдній вечеръ 1812 года“¹⁾. Заключительная часть этой рѣчи относится къ великой войнѣ, которой жила тогда Россія. Эта часть рѣчи и приводится ниже.

Г. Вернадскій.

Нынѣ и все наше любезное отечество предлежитъ намъ очевиднымъ позорищемъ²⁾ чудесъ Господнихъ, кои Онъ сотворилъ для спасенія и помилованія

¹⁾ Рукописный IV томъ „Магазина Свободно-каменщическаго“, Публ. Библ., О. III 393, стр. 231—237. Благодаря любезности Б. Л. Модзалевскаго я имѣлъ возможность ознакомиться съ автографами архива Лабзина и установить, что почеркъ, которымъ написанъ этотъ томъ „Маг. Св.-кам.“, принадлежитъ В. В. Романовскому (о немъ см. статью Б. Л. Модзалевскаго въ имѣющемъ появиться томѣ „Русскаго Биограф. Словаря“). Разумѣется, вопросъ объ авторѣ рѣчи этимъ не предрѣшается.

²⁾ Позорище—зрѣлище.